

Фоновые тоталитарные практики в современной повседневной культуре

Исходим из концепции повседневности, частью которой являются фоновые практики. Под ними в данном тексте понимаются повторяющиеся действия людей, утратившие прагматический смысл под влиянием внешних обстоятельств. Данные действия в обыденном сознании обычно не подлежат рефлексии и носят ритуализированный характер. Предполагается, что индивид выполняет подобные практики постольку, поскольку он принадлежит к определенной культуре и является носителем какой-либо идентичности. Можно говорить о фоновых практиках в контексте культурной инерции, когда люди воспроизводят уже потерявшие прежнюю актуальность повседневные практики предшествующих поколений, мотивируя это тем, что «так принято», «так надо». «Практики – это действия, осуществленные не вследствие тщательного обдумывания или применения рационального расчета; они основаны на неосознаваемом или неявном знании. Они таковы как есть, их форма поддерживается материальными и идеальными артефактами, актуальными в определенном локусе и времени»¹. Причем, практики, что называется, переживают те условия, в которых они первоначально сложились.

Исходя из этой методологической установки, рассмотрим воспроизводство советских фоновых практик в условиях иной повседневности, различая два аспекта а) восприимчивость их к новым ситуациям; б) формирующее воздействие и на эти ситуации, и в целом на повседневность.

Советские практики были нацелены на адаптацию к скудной материальной среде. По результатам исследований, в 1960-1980-ые годы советское общество «полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»². Особенность советской культуры – ориентация на потребление в условиях дефицита. Людям сложно покупать самые необходимые вещи, отсюда и формируется понятие дефицита, вместо «купить» потребители используют слово

¹ Лейбович О.Л. Шушкова Н.В. Кабацков А.Н. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестник ПГИИК. 2012. №13 – 14. С.57.

² Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4 (66). С. 64. . Иванова А. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас, 2011. №3 (77). Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/iv18.html>. Гурова О. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 126–131.

«достать»³. Получают повсеместное распространение практики использования блага, нахождения подходов к точкам распределения благ, умения довольствоваться малым и т.д.

В советских практиках можно обнаружить черты, роднящие их с культурой традиционного общества. Они реализовывались в структурах, обладавших кажущейся неизменчивостью. Будущее было простым продолжением настоящего. Время обращалось по замкнутому кругу.

А. Юрчак в работе «Поздний социализм и последнее советское поколение» приводит цитату из интервью с А. Макаревичем, взятом в 1994 году: «Мне никогда и в голову не приходило, что в Советском Союзе может что-то измениться. Не говоря уже о том, что он может исчезнуть. Этого никто не ожидал. Ни дети, ни взрослые. Тогда было абсолютное ощущение, что это навсегда»⁴. В опубликованных мемуарах Макаревич писал, что ему, как и миллионам советских граждан, всегда казалось, что он живет в вечном государстве⁵».

Наконец, практики были основаны на страхе как мотивации к действию. Многие исследователи советской повседневности основываются на изучении образа жизни советских людей, основанном на страхе перед государственной системой. Можно вспомнить работу Шейлы Фицпатрик «Скрывайте маски», где та описывает практики людей по изменению своей идентичности, укрыванию и изменению своих биографических данных, основанных на таком страхе.

В современной повседневности унаследованы традиции прежних эпох. В серии глубинных интервью, проведенных летом 2012 года, нами обнаружены фоновые тоталитарные практики, бывшие в советское время практиками вполне утилитарными. Попробуем выделить их из общего нарратива.

Информант Татьяна (1954 г.р.) рассказывает о том, как в своё время выходили из ситуации с постоянным дефицитом в провинции: *«Мы ездили в студенчестве в Москву, собирали заказы у девочек. Тогда зимой билеты были дешевле. Мы набирали заказов, они оплачивали нам дорогу, и мы бегали там по магазинам, всё искали, покупали. Между делом вечером на концерт сходишь, и приносили всё это, радовались».*

Также Татьяна описывает любопытную практику: *«А еще были салоны для новобрачных. Если женились, подавали заявление в загс, им давали приглашение в салон для новобрачных. Только по приглашениям. Там можно было купить всё для свадьбы. А так как часть там можно было купить, не записывая, а записывали такие...обувь, платья...такие вот крупные вещи. А вот белье, какую-нибудь бижутерию, еще чего-нибудь, это не записывали в приглашения, и можно было это всё покупать. Вот кто-нибудь женится, и*

³ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1997.

⁴ Макаревич А. Интервью в программе «Взгляд». 24 июня 1994 года, телеканал «Останкино».

⁵ Макаревич А. Сам овца. Автобиографическая проза. М.: Захаров, 2002. С. 14.

мы с ними ходим, что-нибудь покупаем. Покупаем то, что не записывают, а новобрачные то, что им записывают. Вообще даже практиковалось такое, что фиктивно подавалось заявление, чтобы в этом магазине купить всё, что нужно. Выкручивались все по-разному. Понимаешь, абсолютно невозможно было что-то купить».

В нарративе младшего поколения, не заставшего подобных практик, можно наблюдать стремление к схожим действиям, но уже в иной потребительской ситуации: *«сейчас все не то, что в Москву ездят, за границу, шоп-туры целые. Шубы там покупать, одежду, там-то ведь интересней, чем у нас, иногда даже и дешевле»* (информант Елена, 1990 г.р.).

Далее, в рассуждениях информантов старшего поколения можно выделить такую черту, как оправдание существующего в то время порядка вещей. Информант Михаил 1954 г.р. говорит следующее: *«Ну, я считаю, что было такое время, наверное, так нужно было. Да и ошибок всегда много, при любом правительстве, во все времена. Когда вроде и нормально, а потом проходит время, и все считают, что это было неправильно. Так что тут судить тоже с одной стороны может быть и жестко, но, с другой стороны, время такое было. Надо было как-то страну восстанавливать».* Также информант говорит о пошлости и разврате современной культуры, апеллируя к тому, что в *«советское время фильмы хоть и были наивными, но они учили добру, честности, а сейчас аморальность кругом».*

Информант Михаил уже младшего поколения (1986 г.р.) эмоционально рассуждает в схожем ключе об эпохе, которую он не застал: *«Хоть мы и жили за железным занавесом, и носить было нечего, и одевались очень бедно, но, по крайней мере, все к чему-то стремились. Все старались, работали, трудились. Никто не стремился к потреблению, люди действительно старались работать. Алкоголиков и тунеядцев искореняли, их стыдили. Не было такого засилья разврата, пошлости, тунеядства и лени, алкоголя и табакокурения, наркозависимости. Почему? У всех была идея, все верили в эту идею. Идею светлого будущего. Мы считали, у всех в мозгу была идея, что мы – самые лучшие на Земле».* Здесь мы сталкиваемся с о конструированием мифа. Информант идентифицирует себя с воображаемым сообществом, прекратившим свое существование около поколения тому назад.

Наконец, информанты старшего поколения много говорят о страхе, который, явно или скрыто, присутствовал в их повседневности. Информант Михаил говорит, что: *«Конечно, время было страшное, по рассказам родителей знаю, да, действительно страшно было – лишнее слово нельзя было сказать про правительство или допустим...Если даже испачкает кто-то фотографию в газете, то могли донести, тут и разбираться бы не стали. Отец говорил, что нельзя высовываться, что-то лишнее говорить на людях».* Информант Татьяна рассказывает: *«Я помню эти все разговоры... Мы же в детстве мало что знали... Уже потом я много чего узнала и поняла суть этих разговоров. Как-то я прибиралась, нашла его (отца – авт.) автобиографию и прочитала. Он там написал, в каких он лагерях был,*

сколько раз он сбегал, сколько раз его возвращали. Конечно, он всю жизнь был под контролем, каждую неделю ему надо было отмечаться в НКВД. Я помню эту напряженную обстановку дома, когда его вызывали, и он уезжал в Кудымкар, и когда он приезжал, вот эти шу-шу-шу родителей...».

Интересно, что в изменившейся политической ситуации информанты младшего поколения транслируют представление о том, что опасно где-либо и открыто говорить о своих политических взглядах. Михаил, сын кандидата наук, рассказывает: *«Мой папа занимался наукой, общался с иностранцами, наш телефон постоянно прослушивался (уже в 1990-ые – авт.). Можно было даже слышать оттуда «пост сдал – пост принял». Сейчас это все смешно, а тогда смешно совсем не было».*

Можно сказать, что фоновые тоталитарные практики проявляются в большей степени у информантов младшего поколения по причине их существования в повседневном опыте, уже сконструированном ранее в рамках исторической памяти.

Фоновые практики наследуются следующими поколениями, автоматически воспроизводясь уже в изменившихся условиях жизни. Данные действия отчасти мифологизированы, основаны на культурной инерции и стремлении к идентификации индивида с определенной группой.

Поставим вопрос об их происхождении. Что в нем главное: идеологические конструкты, создаваемые масс-медиа, естественные механизмы культурной инерции, или «бегство от реальностей», характерное для людей, не сумевших без больших потерь пройти процесс адаптации к социальным условиям?

Для того, чтобы с достаточной определенностью сделать вывод, необходимы дополнительные полевые исследования. Пока же можно с уверенностью утверждать лишь о том, что фоновые практики послушания, примитивного экономизма, страха перед властью входят в ткань повседневности горожан, сформировавшихся после социализма.